

УДК 141.3

**РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ
С.Н. МАРЕЕВА «Э.В. ИЛЬЕНКОВ: ЖИТЬ ФИЛОСОФИЕЙ»
(М.: Академический проект, Трикста, 2015)***

А.Д. Майданский

Белгородский национальный исследовательский университет
Белгородский государственный институт искусств и культуры
e-mail: meotian@rambler.ru

Книга Сергея Мареева состоит из двух частей: воспоминаний об учителе, Эвальде Ильенкове, и размышлений над ключевыми темами его диалектической логики. В работе полемически освещаются проблема идеального, метод восхождения от абстрактного к конкретному, принцип историзма, а также ильенковское прочтение Спинозы и Гегеля.

Ключевые слова: советский марксизм, диалектика, Г. Лукач, М.А. Лифшиц, Спиноза, идеальное, конкретный историзм.

В этом феврале исполняется 95 лет со дня рождения нашего выдающегося философа Эвальда Васильевича Ильенкова и 40 лет со дня его смерти. Труды Ильенкова в последние годы много издаются по всему миру – на английском, немецком, греческом, испанском и португальском языках. Похоже, он сделался классиком уже не только советской, но и мировой марксистской философии. Для этого потребовалось немало времени. «Ильенков едва упоминается в существующей [западной] литературе по советской философии. А ведь он – наиболее значительный и оригинальный советский философ послевоенного периода. Он развивает гегельянскую и диалектическую интерпретацию марксизма, сохраняющую актуальность и интерес»¹, – отмечал в свое время известный британский философ-марксист Шон Сэйерс.

Тем не менее, первая книга об Ильенкове² вышла все же на Западе, накануне распада страны Советов. Написал ее молодой англичанин Дэвид Бакхёрст, несколько лет проживший в Советском Союзе. Он близко сошелся с ильенковцами, особенно с Феликсом Михайловым, хотя ему было трудно понять и принять их взгляды. Бакхёрст получил воспитание в «аналитико-философской» (Ильенков сказал бы «позитивистской») школе и остается на этой платформе по сей день.

---

* Публикуется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 17-03-00160а «Подготовка к печати неизданных работ Э.В. Ильенкова 60-70-х годов из архива философа». Ссылки на книгу С.Н. Мареева даются в тексте с указанием страниц.

¹ «Ilyenkov receives barely a mention in the existing <Western> literature on Soviet philosophy. Nevertheless, he is the most important and original Soviet philosopher of the postwar period. He develops a Hegelian and dialectical interpretation of Marxism which is of enduring relevance and interest» (Sayers, Sean. Review of Bakhurst, D. Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy // Canadian Slavonic Papers, 1992, vol. 34, no. 1-2, p. 176).

² Bakhurst, David. Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy: From the Bolsheviks to Evald Ilyenkov. Cambridge, 1991.

Второй стала небольшая, всего 138 страниц ин октаво, книжечка воспоминаний и размышлений Сергея Мареева «Встреча с философом Э. Ильенковым», написанная к 70-летию его учителя тиражом 250 экземпляров (М., 1994). В то время многим думалось, что марксизм приказал долго жить, и Ильенков тоже остался в прошлом. Вчерашние марксисты-ленинцы гурьбою двинули в «русскую религиозную философию».

С тех пор Мареев не раз возвращался к работе над портретом учителя. Картина «Явление Христа народу» писалась, как известно, двадцать лет. Примерно столько же Сергей Николаевич писал свою книгу. В ней, помимо историй о знакомстве и совместной работе с Ильенковым, мы находим экскурсы во все ключевые для Ильенкова философские темы: от проблемы идеального – до «космологии духа», и от понятия личности – до теории и практики социализма. В Приложении к книге помещены три небольших работы Ильенкова на тему природы человека, формирования творческих способностей и «умных» человеческих чувств. Вся книга, понятно, написана с позиций ильенковской «диалектической логики».

Мареев пришел к Ильенкову еще в студенческие годы, в 1966 или 67, когда тот был в расцвете творческих сил. Пару лет спустя Ильенкова начнут покидать ученики и последователи. Вера в идеалы марксизма, особенно после танков в Праге, быстро пойдет на убыль. Мареев и еще несколько светлых молодых голов останутся рядом с Ильенковым до конца и подхватят знамя «диалектической логики» после смерти учителя.

По предложению Ильенкова Мареев перейдет на работу в сектор диалектического материализма Института философии Академии наук СССР, где они будут мыслить и действовать заодно, плечом к плечу до самой смерти Ильенкова. Две рецензии и один популярный очерк о диалектике были написаны ими в соавторстве. Мареев – инициатор проведения ежегодных Ильенковских чтений, превратившихся со временем в крупную международную конференцию. В этом году XXI Ильенковские чтения состоятся в Институте прикладной механики РАН в конце апреля.

Размышляя о философии Ильенкова, Мареев не скрывает «личной заинтересованности» в предмете. Мысль Мареева движется в том же логическом пространстве и оперирует теми категориями, которые разрабатывал Ильенков. Кому-то такой подход может показаться апологетическим, но именно он позволяет автору «говорить языком самого предмета, выражать своеобразие его сущности» (Маркс). Подлинная, разумная объективность дается стремлением и умением двигаться по внутренней логике предмета, а не сводится к простому разглядыванию предмета с разных сторон и констатациям присущих ему плюсов и минусов. Об этом много писал и сам Ильенков.

Предтечами Ильенкова по линии «критического марксизма» Мареев считает Георга Лукача и Михаила Лифшица, а по линии спинозизма и культурно-исторической теории сознания – выдающегося психолога Льва Выготского.

Со своей стороны, я бы упомянул еще книгу Ивана Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918). Два переплетенных томика этой книги стояли на книжной полке в кабинете Ильенкова. Он включил ее в составленный по просьбе одного студента-философа список работ, обязательных к прочтению, наряду с Платоном, Спинозой, немецкой классикой, Марксом. В этом списке всего два русских философа – Ленин и Ильин. У последнего мы находим развернутое исследование гегелевского метода восхождения к конкретному, дистинкцию абстрактного и конкретного всеобщего, понятия объективного противоречия и

синтеза противоположностей, обоснование тождества логики и онтологии и многие другие первоосновы диалектики. Его труд, вне всяких сомнений, послужил трамплином для молодого Ильенкова, хотя он никак не мог сослаться на Ильина – тот имел репутацию оголтелого антикоммуниста, вдобавок симпатизировавшего фашизму.

Очень высоко Ильенков ценил и книгу Лукача о молодом Гегеле. К ее переводу Ильенков привлекал и Мареева. Расхождению взглядов Лукача и Ильенкова Мареев не придает особого значения. «Онтологический» поворот позднего Лукача объясняется тем, что «его долго били» марксисты-догматики (с. 49). Между тем Лукач в доказательство «неизбежности обращения к онтологии при решении мировых проблем» апеллирует к Гуссерлю, Шелеру и Хайдеггеру³. Меньше всего это похоже на уступку догматическому марксизму. Да и Лукач был не тот человек, которого можно битвём «угговорить» на перемену своих философских взглядов. Так же, как и Ильенков.

Сам Мареев считает марксистскую онтологию такой же вредной и нелепой затеей, как, скажем, «марксистская алхимия». Зрелый Маркс сбросил «очки философа» и принялся *конкретно-исторически* исследовать анатомию современного общества. Само различие онтологии и гносеологии имеет смысл лишь при допущении автономии сознания (мыслящего субъекта, области познания) в отношении к бытию. Для Маркса же сознание есть лишь самоотражение бытия: «Сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием»⁴. Если так, то любая попытка *обособить* мышление от бытия, теорию мышления (сознания, познания) – от «онтологии», губительна для чистокровного марксизма. Учение о мышлении никогда не может быть чем-либо иным, как учением об отраженном в мышлении бытии.

Ильенков называл принцип диалектического тождества мышления и бытия «паролем на право входа в научную философию». Ему противостоит метафизический принцип разности законов мышления и бытия – представление о том, что реальность так или иначе искажается, преломляется в «зеркале» разума (пользуясь метафорой Фрэнсиса Бэкона). На этом представлении и покоится отделение «гносеологии» от «онтологии».

С метафизикой расправилась немецкая классическая философия, показав разумность всего действительного, и наоборот. «У Гегеля различие между “онтологией” и “гносеологией” снято в Логике, которая изображает движение и самой действительности, и познающего мышления», – отмечает Мареев (с. 238). Марксизм наследовал от Гегеля диалектический принцип тождества мышления и бытия, но передал пальму первенства бытию: «поставил диалектику с головы на ноги», как выражался Маркс.

Однако метафизика очень скоро взяла реванш. Стараниями Георгия Плеханова и его учеников онтология возрождается и на марксистской почве в облике «диамата» и «истмата» – метафизики природы и истории, соответственно. Процесс этот был подробно исследован в предыдущей книге С.Н. Мареева: *Из истории советской философии: Лукач – Выготский – Ильенков* (М.: Культурная революция, 2008). Автор вслед за Ленным и Ильенковым считает диалектику – логикой, теорией познания конкретных, исторически развивающихся систем, и методом разрешения объективных противоречий. Эта материалистическая диалектика находилась в жесткой конфронтации с диаматом и его «философской картиной мира».

³ Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М.: Прогресс, 1991. С. 35.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 25.

В западной историко-философской литературе (И. Яхот, Дж. Скэнлан, Д. Бэкхёрст) принято видеть в Ильенкове продолжателя дела Абрама Деборина. Ученик Плеханова, Деборин создал в 20-е годы первую школу советского диамата, консолидировавшуюся вокруг журнала «Под знаменем марксизма» и Института Красной профессуры. Мареев резко протестует: у деборинцев *диалектика превратилась из метода в доктрину*, систему догм, которые они затем попытались навязать ученым – физикам и биологам, психологам и экономистам. Деборинцы «понимали диалектику в качестве “царицы наук”, которая должна царить над наукой и поучать ее, каким образом исследовать тот или иной предмет. ... Отсюда проистекало грубое вмешательство “философов” в дела науки, что вырабатывало стойкую неприязнь ученых к философии» (с. 60).

В полемике с деборинцами участвовали Лукач и Лифшиц. Последний отзывался о «Деборине и его сеидах» с неизменным презрением, как о творцах марксистской идеологической схоластики – «катедер-марксизма». Сам академик Деборин, по характеристике Лифшица, был «человек безвкусный и лишённый всякой оригинальности», опошливший философию Гегеля и диалектику вообще⁵.

Деборину каким-то чудом удалось уцелеть во времена репрессий, когда его школа была разгромлена и почти все соратники очутились в сталинских лагерях. На карикатуре в стенгазете Института философии Ильенков со товарищи изобразили Деборина в виде скелета священной коровы, лежащего под карьерной лестницей Академии наук. Рядом – тень покойного академика в профиль⁶.

Для Ильенкова философия не могла быть ни «царицей наук», ни их служанкой. Философия – нормальная наука со своим особым предметом, каковым является *мышление*, т.е. познающий разум и созданный им «мир идей». Такая наука может принести много пользы ученому, умеющему пользоваться диалектическим методом. Если использовать метод не как схему или шаблон, по которому кроится всё и вся в мире, а как компас в наличном мире идей и инструмент создания методологии познания того или иного конкретного предмета. Именно так диалектика применялась Марксом в области истории и Выготским – в области психологии. «Диалектика может только *помочь* отдельной науке выработать *свой собственный метод*, а не навязывать ей “диалектический” метод», – резюмирует Мареев (с. 61).

Руководившие советской философией диаматчики изгнали Ильенкова из МГУ, подальше от молодых умов. А когда один такой диаматчик, бывший партработник Б.С. Украинцев возглавил Институт философии, он принялся всячески отравлять Ильенкову жизнь – мешал печататься и создал враждебную атмосферу, которая в конце концов привела к трагической гибели философа.

Непростые отношения сложились у Ильенкова и с его старшим другом Михаилом Лифшицем. Этой теме отведена немалая часть книги Мареева. Лифшиц пережил Ильенкова на пять лет, в эти годы он и взялся писать свой «Диалог»⁷. Завершить не успел.

Лифшиц солидарен с ильенковской критикой субъективизма в понимании идеального: категория идеального описывает некую *объективную реальность*, независимую от индивидуальных волей и сознаний. Но если Ильенков трактовал идеальное как явление культурно-историческое, как форму практической, трудовой деятельности общественного человека, то Лифшиц усматривал идеальное буквально

⁵ Лифшиц М. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. М.: Искусство – XXI век, 2012. С. 46-47, 83.

⁶ См.: www.caute.tk/ilyenkov/arch/avp1966.jpg.

⁷ Лифшиц М. Диалог с Эвальдом Ильенковым. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 205.

езде и всюду: «Идеальное есть во всем». Термином «идеальное» у Лифшица описываются нормы, образцы и предельные абстракции (например, идеальный газ или идеальный кристалл), к которым стремятся приблизиться все реальные вещи. Ильенков, со своей стороны, ориентируется на Маркса, которому термин «идеальное» служил для описания особых, «чувственно-сверхчувственных или общественных» вещей, рождающихся в процессе труда.

Мареев без колебаний встает на сторону своего учителя. Откуда берутся в человеческом мышлении те образцы, или «реальные абстракции», которые идеализирует Лифшиц? Почему они возникают лишь в особые исторические эпохи и лишь у народов, дальше других продвинувшихся в сфере материального производства? Не природа как таковая, но *практика* освоения природы человеком является источником любых идеальных норм, подчеркивает Мареев. Идеальное не может существовать на одной из сторон – в человеке или во внешней ему природе. По Ильенкову, идеальное существует лишь *в момент превращения* объективного в субъективное и обратно в трудовом процессе «очеловечивания» природы.

Лифшиц же видит в труде лишь воспроизведение и стилизацию образцов, данных самой природой. «И потому не труд, а созерцание оказывается здесь сутью отношения к миру. ... Лифшиц выводит идеальное вместе с самим человеком из природы, а Ильенков выводит его из диалектики труда, в становлении и развитии которого рождается человек, его чувства и мышление, высшие идеальные формы культурного бытия. Отсюда созерцательное у Лифшица и деятельностное у Ильенкова решение проблемы идеального» (с. 210-211).

Первоисток «деятельностного подхода» Мареев находит у Спинозы, бывшем «главной философской любовью» Ильенкова. Действительно, Спиноза указывал на причинно-следственную зависимость наших мыслей, идей, от характера движения тела: «Кто имеет тело, способное ко многим действиям, тот имеет душу, бóльшая часть которой вечна» (Этика, V, теорема 39). Чем активнее и свободнее движется человеческое тело, тем адекватнее знает дух окружающий мир и самого.

Ильенков, однако, этим не довольствуется. Он превращает Спинозу в материалиста, вычитывая в «Этике» между строк определение мышления как «лишь свойства, предиката, атрибута ... *тела*»⁸. (*Мышление* есть свойство *модуса протяжения!* Трудно представить себе нечто более чуждое духу и букве спинозовской философии.)

Рискну утверждать, что ни Ильенков, ни сам Мареев не считают мышление «лишь свойством, предикатом, атрибутом *тела*». Так мыслят мышление материалисты-эмпирики: Гоббс и Ламетри, Д.И. Дубровский и диаматчики. В их объятия и толкает Спинозу «четкое материалистическое определение мышления» как свойства тела. Конечно, есть принципиальная разница между шевелением нейронов в мозгу и передвижением «мыслящего тела» в пространстве «по контуру внешних тел», однако к различию материального и идеального она не имеет ни малейшего касательства. Это разница между двумя *чисто материальными* формами движения – нейрофизиологической и биопсихической: нервный процесс, с одной стороны, и «телесный образ», с другой.

Идеальное, как повторяет Мареев вслед за Ильенковым и Гегелем, есть форма организации «государства», читай: культуры. Натуралистическое определение мышления, как свойства тела, от культуры начисто абстрагируется. Тем самым

⁸ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1974. С. 23.

уничтожается водораздел между животной и человеческой психикой, который Ильенков прочерчивал при помощи категории идеального.

Завершается книга Мареева главами о конкретном историзме как «обобщении фактом» (в отличие от индуктивного обобщения *фактов*) и о социализме как *реальном* обобществлении собственности – в отличие от формальной ее передачи в распоряжение государства. Ильенков прямо писал об отчуждении человека при социализме, чем страшно раздражал советских идеологов. Да еще призывал к «разгосударствлению» собственности и превращению ее в «реальную собственность каждого индивида»...

В последние годы жизни Ильенков мучился и страдал, видя, что «реальный социализм», вместо обещанного Марксом «царства свободы», движется к новому «топору». При этом Ильенков ни на минуту не терял веру в социалистический идеал. Почему? «У социализма, – отвечает Мареев, – есть то фундаментальное преимущество, что он соответствует коллективистской сущности самого человека. Он противоположен индивидуализму и эгоизму членов “гражданского общества”, от которых человек объективно страдает даже тогда, когда идеологию и психологию этого общества “сознательно” разделяет. Идеализировать последнее в сущности невозможно. Это так же, как девушка может петь о потерянной любви, но скряга не может петь о потерянных деньгах» (с. 295-296).

Советский философ Ильенков был человеком, продолжившим лучшие традиции *западноевропейской* мысли. При этом его никак не назовешь «западником» в узком смысле слова. Он был непримиримым, яростным критиком *современной, неклассической* западной философии. От немецкой классики и Маркса он унаследовал неуемный дух критики и самокритики в сочетании с обостренным чувством уважения к человеческой личности, к ее труду, разуму и культуре. Это достоинство передалось и книге Мареева об Ильенкове. Нам видится в ней нечто большее, нежели просто «воспоминания и размышления», – проявление вечного «закона сохранения мысли».

Список литературы:

1. Sayers S. Review of Bakhurst, D. Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy // Canadian Slavonic Papers, 1992, vol. 34, no. 1-2, p. 176-177.
2. Bakhurst D. Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy: From the Bolsheviks to Evald Ilyenkov. Cambridge, 1991.
3. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М.: Прогресс, 1991.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955.
5. Лифшиц М. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. М.: Искусство – XXI век, 2012.
6. Лифшиц М. Диалог с Эвальдом Ильенковым. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
7. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1974.

**REFLEXIONS ON THE BOOK
OF S.N. MAREEV «E.V. ILYENKOV: TO LIVE BY PHILOSOPHY»**

A.D. Maidansky

Belgorod National Research University
Belgorod State Institute of Arts and Culture
e-mail: meotian@rambler.ru

The book by the Sergey Mareev consists of two parts: recollections of his teacher Evald Ilyenkov, and reflections on some of the key themes of Ilyenkov's dialectical logic. The author traces several polemical lines related to the problem of the ideal, dialectics of the abstract and the concrete, the principle of historicism, as well as Ilyenkov's interpretation of Spinoza and Hegel.

Keywords: Soviet Marxism, dialectics, G. Lukács, M.A. Lifschitz, Spinoza, the ideal, the concrete historicism.
